Н. В. ИЛЬИНСКИЙ.

ОЧЕРКИ ПО ВОЛОГОДСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ.

I.

К истории села Леденгского.

(Тотемский уезд).

ИЗДАНИЕ
Союза Северных Кооперативных Союзов („Северосоюза").
1920.

Н. В. ИЛЬИНСКИЙ.

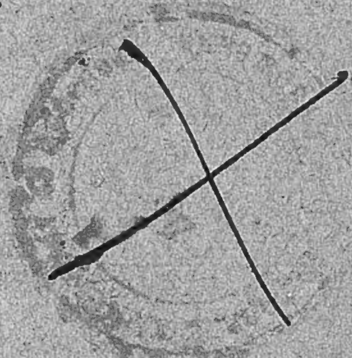
ОЧЕРКИ ПО ВОЛОГОДСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ.

I.

К истории села Леденгского.

(Тотемский уезд).

ИЗДАНИЕ
Союза Северных Кооперативных Союзов („Северосоюза").
1920.

Вологда. Типография „Северосоюза“.

ОТ АВТОРА.

Еще с начала XX в., именно с 1905—6 г.г. Россия встряхнулась от векового сна: общественность и промышленность, наука и искусство демократизировались, вышли на улицу. В том числе стал пробуждаться среди местного населения интерес к своему родному краю. Не только приезжие „варяги“, но сами северяне стали ценить свою родину, свой дикий и угрюмый Север, стали интересоваться им с научной, художественной и практической стороны. Устраиваются экспедиции местного происхождения (губ. земства и др.), открываются общества по изучению местного края (Вологда, Тотьма, Устюг), издаются книжки, обнаруживаются скрытые богатства, дотоле никому неведомые. Столичное университетское отечествоведение из тесных кабинетов и аудиторий широкой волной вышло на улицу и перекатилось на окраины в виде местного родиноведения (краеведения), появилась на месте любознательность к своему родному. Платя дань запросам времени, автор и предпринял ряд лекций, названных им просто: „Очерки по Вологодскому краеведению“, с которыми, будучи связан местожительством в Тотьме, выступал в 1917—18 г.г. на учительских курсах, в народных

домах, на собраниях родиноведческих местных об-в. (Тотьма, Вологда, Леденгск и др.).

Собирая материал по краеведению, автору пришлось встретиться с печальной действительностью: материала или совсем на месте не было, или были небольшие обрывки, выписи из писцовых книг, случайные печатные издания, обычно разрозненные (не считая общих курсов); больше давала в этом отношении „живая старина" своими поблекшими воспоминаниями. „К истории села Леденгского" представляет содержание одной из лекций по краеведению. Целью своей автор, называя так свою лекцию, читанную впервые в Леденгске 23 (10) июня 1918 г. (Народный Дом), ставил—лишь показать, как мало еще известна история отдельных уголков Севера, как необходимо регистрировать родную историю силами местных людей. В названии лекции и подчеркивается ее невольная отрывочность. Между тем история названного села могла бы быть представлена в виде интересной толстой книги, которая сейчас содержит лишь несколько глав, многие страницы которых еще не заполнены, многих строк даже не хватает... и дело заполнения этой книги по истории известного в Тотемском уезде с е л а Л е д е н г с к о г о, конечно, дело местных культурных сил, особенно м о л о д ы х. Автор с величайшей благодарностью и удовлетворением примет всякие заметки, материалы, письма, указания на недочеты, строгую критику

своих очерков по Вологодскому краеведению—в надежде общими усилиями с заинтересованными лицами продолжать их и далее. Приношу глубокую признательность за сочувствие идее автора Неторговому Отделу Северосоюза, принявшего на себя издание моих скромных работ.

Февраль, 1920 года.
г. Вологда.

P. S. *На ближайшее время намечены и разработаны автором следующие темы: I. Доисторическое прошлое Вологодского края (очерк развития природы края). II. Доисторический человек и первобытное население Вологодского края. III. Вологодское краеведение и его история.*

К истории села Леденгского.

1. Первобытное население Северного Края. Далекие от нас времена седой старины Севера относятся к области миѳологии. Греческий поэт Гомер населял наш Север миѳическими „икарийцами“. Отец истории Геродот (грек V до Р. Х.) также имел весьма смутные представления о „полунощных“, т. е. северных странах и населял их не менее миѳическими „блаженными гиберборeями“. Другой, римский историк Тацит, живший около 100 г. до Р. Х., описывает жителей Севера уже определеннее. По его мнению, они „не имели ни домов, ни копий; питались травами, одевались в зверинные шкуры, занимались охотой и мужчины и женщины, а детей садили на примостки по деревьям“. Наш русский летописец XI века Нестор, прямо называет первобытное население Севера „Чудь и все языцы“. По словам Нестора, *Чудь* жила в землянках, внутри выстланных листьями и травою, груды камней служили для нагревания и приготовления пищи. Землянки устраивались по 8—20 вместе в десятках верст одни от других. Племена чудские были сравнительно малочисленны и дики. Главным богатством их были шкуры пушных зверей: соболей, куниц, чернобурых лисиц и голубых (песцов)—привлекавших сюда торговцев с далекого юга (булгар, арабов), норманнов с севера и предприимчивых новгородцев—с запада (IX в.).

Как видно, чем позднее писал историк, тем подробнее и правдоподобнее он описывает в своей лето-

писи жителей далекого Севера. Но что же говорят нам о первобытном населении данные истории, вернее археологии и этнологии, между проч. изучающих *доисторический* период жизни народов. Не останавливаясь подробно на методах исследования доисторического прошлого нашего края—о чем поговорим в особой лекции, я коснусь здесь лишь выводов. Вслед за Нестором, теперь можно считать вполне установленным существование на Севере России в IX столетии и ранее *чудских племен*, а именно Югры, Печоры, Перми, Еми и несколько западнее и южнее наших мест Веси и Мери. Эти племена, еще называемые иначе угрофинскими, считают пришедшими из Азии среди прочих „человеческих волн", заполнявших периодически Европу и положивших начало ее современному населению. Из прямых потомков этих древних народов, остались у нас: *финны* (по русски часто их называют чухонцами), *зыряне* (может быть от „сырьяне", сыроеды по-Нестору), *пермяки*; угры ушли за Карпаты в Венгрию. Слово же „чудь"—русского происхождения и, вероятно, одного корня со словами—чудак, чудной, чужак, чухонец—подобно слову *немец*. Этим сборным именем Нестор окрестил все племена угрофиннов, подобно тому, как для московской Руси немцы были и фряжские (французы), и аглицкие (англичане) и амбургские (голландцы). Ни в финском, ни в зырянском языке нет ни буквы *ч*, ни слова *чудь*. Новгородцы называли эту чудь еще *Заволоцкой*, а наш край—*Заволочьем*, как мы Малороссию называем нередко Украиной.

2. Остатки на Севере чудских племен. Названные чудские племена, с точки зрения современной археологии и этнологии, оставили после себя вполне реальные следы как материального, так и духовного содер-

жания. К материальным памятникам относятся кое-где сохранившиеся по Северу *городища,* места стоянок чуди, укрепленные высокие места, утесы, обнесенные обычно со стороны материка рвом. Две другие стороны были неприступны, благодаря естественным откосам к реке, ее притоку, болоту и т. д. В этих городищах порой находят предметы чудской культуры: подвески, украшения, орудия преимущественно каменного века (ножи, скребки, копья, стрелы, долота, грузила для сетей), почему и заключают об охотничьей и кочевой жизни чуди. Тут же попадаются кости убитых ими животных: лося, россомахи, бурого медведя, быка, свиньи и т. д. Среди костищ встречаются и кости человека. На Севере находят и остатки, так наз., железного века—топоры, мечи, иногда ральники, серпы—свидетели перехода от кочевого образа жизни к оседлому (XIII в.). В городищах археологи находят и деревянные срубы. Каменных построек из-за обилия леса на Севере не было. Кроме городищ попадаются, как остатки чудских племен—курганы, могильные насыпи, некрополи, также с сохранившимися остатками костей, орудий и украшений.

Из невещественных доказательств пребывания у нас чуди следует отметить звучные названия наших рек, урочищ, селений: рр. Еденьга, Леденьга, Шореньга, Нореньга, Коленьга, Пес-Еденьга, Сулонга, Ухтонга, Печенга, Юрманга и т. п., а также Царева, Сухона, Тотьма; сама Волга считается угрофинского происхождения с характерным суффиксом *га*, *ва*, *ма*—что переводится с зырянского языка, как вода, финское же jogge-река. Названия населенных мест нередко включают угрофинский корень—*дын:* Глядень (под г. Вел.-Устюгом), Чердынь, Емдынь (нынешняя Усть-Вымь), *Леденіск*, Пыэлдин (Устьсысол. уезда), Еденьга, Пес-

Еденьга и т. д. Понятие *города* (греческий—поль, немецкий—бург, русский—град) также сохранило кое-где свое древнее название: *кар,* например, в Устьсысольском уезде—Чуд-кар, там же Кар-горт (оба местечка на р. Сысоле), Кольм-кор (Холмогоры). Самое слово *чудь* входит в название *Чучково* или в старинное название этого селения Тотемского уезда *Чудской ям*)* (104 версты от Тотьмы, по тракту к Вологде). В Кадниковском уезде можно найти селения Чекшино, Чудиново, в Сольвычегодском—Чудной починок.

Из духовного наследия Чуди следует далее признать языческие празднества—„братчины“, сохранившиеся в Яренском и Устьсысольском уу., недавно, еще существовавшие еще и у нас, в Тотемском, а также Кадниковском уездах (лет 10 тому назад). Наконец—певучесть речи нашего населения, выбрасывание в глаголах окончаний [быва(е)т, дела(е)т], изменение „шься“ в „ссе“ (ругаессе, кружассе) и другие лингвистические особенности считаются также за наследие, полученное от чуди. Что касается образа жизни чуди, то, повидимому, это был сначала кочевой народ—охотник, переходивший с места на место. Так, Емь—нужно думать—особенно кочевала на широком пространстве не только нашего Севера, но и Финляндии (Ямбург, р. Емба в Кадниковском уезде, Ем-дынь, Гам—в Яренском, Емцы—в Архангельской г.) Селились чудские племена по рекам, устраивая упомянутые выше городища.

Предание о чуди—как исконном населении края—встречаются у нас довольно часто. Ими полна Кокшеньга, северо-восточные уезды—таящие в себе немало

---

*) Это название еще можно найти в «Дневнике путешествия Челищева по Северу России в 1791 г.».

и „живой старины“. По одним преданиям чудь „вредила нашим“, по другим—сама в ямах погреблась, спасаясь от колонизаторов, упорно проникавших на Север в X—XI вв.. Словом, „печальные пасынки природы“—угрофинны исчезли с лица земли, оставив или потомков в лице пермяков, вотяков, зырян, финнов, венгров, или растворившись в пришлом населении, или, наконец, сами были истреблены, оказывая кое-где сопротивление. Покорителями на Севере чуди оказались предприимчивые и организованные новгородцы, славившиеся своей торговлей с Европой (Ганзейский союз) и в то же время державным управлением. Дреколья и стрелы чуди, конечно, не могли противостоять против пушек и пищалей новгородских выходцев, проникавших до самого Каменного пояса (т. е. Урала), в поисках природных богатств (меха, рыба, соль, руды).

3. Колонизация новгородская. Колонизация Севера в X—XI вв. шла не только из Новгорода, но и с юга, из Ростово-Суздальской земли. Так, В.-Устюг считают основанным суздальскими выходцами.

Однако, организованные и сильные еще в X—XII веках, новгородцы имели все преимущества. Колонии Новгорода были раскинуты к XII в. довольно широко. К новгородским владениям (по уставу новгородского князя Святослава Ольговича, 1137 г.), относится бо́льшая часть Олонецкой, Архангельской и северо-западная часть Вологодской губ. (Вага, Кокшеньга, Тотьма). В XIII в. за новгородцами значится—Вологда, Печора, Югра—словом вся бывшая Вологодская губерния. В XIV в. новгородские ушкуйники присоединяют Пермь и Вятку. За пионерами движения—„ушкуйниками“ двигались и новгородские земледельцы во главе со своими посадниками, новгородскими боярами (аристократами).

Земледельцы селились по берегам рек, под прикрытием „городов“, сооружавшихся при слиянии рек. Таковы в XII и XIII вв. Вологда, Усть-Вага, Тойма, Вель, Тотьма, и более мелкие: Шуйский, Тарножский, Спасский, Ивасский, Брусяный, последние все в Тотемском у. Здесь позднее сосредоточивалась и торговля местным сырьем, а также солью, смолой. Города, построенные по рекам, для новгородцев имели экономическое и стратегическое значение. С одной стороны, облагая данью местное население (сначала чудское), отбирая сырье в покоренной округе, заставляя позднее туземцев работать на лесных, солеваренных промыслах, новгородцы держали население нашего края при помощи городов в полном повиновении, но, с другой стороны, и защищали его от врагов (татары, вятичи, московские рати). Как волость, так и город управлялись своими вечем, но посадник посылался из Новгорода. Из посадников Новгородских, особенно имевших большое влияние на поднятие в Северном Крае культуры, следует отметить крупных вотчинников - землевладельцев Своеземцевых-Едемских (Кокшеньга и Вель), Борецких (Шенкурск), Тучиновых и Строгановых (Сольвычегодск, Пермь).

Однако, господство Великого Новгорода здесь было не вечно. Влияние Москвы, окрепшей после междоусобиц и во время татарщины, стало проникать на Север еще в XIV веке.

4. Влияние Москвы. Уже к этому времени (XIV в) некоторые новгородские земли, как *Двинская*, тяготели к хлебородной Москве, к тому же ее защищавшей от Югры и Норвежцев. Кроме того связь Новгородского Заволочья с метрополией слабела по мере приближения к Уралу. Тяготение отдаленных новгородских владений к Москве (экономическое и политическое) таким обра-

-зом намечалось еще в XIV в. В XV в. притязания московских князей усилились, а удачные походы Ивана III на Север решили судьбу многих новгородских владений, перешедших под власть Москвы. К 1472 к Москве переходит Пермская земля, в 1489 г.—Вятка, в 1499 г.—Югра. К началу же XVI в. после падения Великого-Новгорода и присоединения его самого к новому центру об'единения Москве, за Москвой числилось уже все *Поморье* (Северо-Восток России).

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород великий
Тихо опочил.
Время пролетело,
Слава прожита,
Вече онемело,
Сила отнята.

И с последними звуками вечевого колокола, долетевшими до нашего Севера, исчезли здесь и бояре, новгородские крупные землевладельцы—вотчинники: Своеземцевы, Тучиновы, Борецкие, от которых сохранились и поныне фамилии в Кокшеньге и Вельском уезде. Земли их были конфискованы Москвой, а семьи в большей части переведены в Москву. Лишь *Строгановы*, из всех новгородских аристократов, уцелели дольше на Севере и даже продолжали приумножать свои земли под владычеством Москвы. В общем же вся северная земля стала теперь страной *черной земли* и *черносошного* государственного крестьянства.

5. Солеварение на Севере. В поисках за новыми природными богатствами еще новгородские предприниматели могли обратить внимание на примитивную вываpку соли чудью, практиковавшуюся то там, то здесь.

Ее добывала чудь из естественных ключей. Существующие предания говорят за то, что чуди известно было примитивное солеваренье. Новгородские промышленники, нужно думать, улучшили технику соляного производства, воспользовавшись уже готовыми рассолами. Известно далее, что солеваренье на Севере процветало в старину и остатки его можно найти довольно часто. Главные солеварни были в нашем крае под Тотьмой. Местечко „Варницы“ насчитывало в свое время до 130 труб (см. у Челищева). Из них часть принадлежала Строгановым и другим, вероятно, частным лицам, а другая была в безпошлинном владении монастырей: Спасо-Каменного, Спасо-Суморина, Спасо-Прилуцкого, Николо-Угрешского—этих не менее влиятельных и богатых вотчинников на Севере в XVI—XVII в. в. По писцовым книгам 1623—25 г. г. за Спасо-Прилуцким монастырем, что под Вологдой, считалось 4 варницы, сельцо, 3 слободки, и починок с 4 монастырскими, 11 крестьянскими и 15 бобыльскими дворами. В волости „Старая Тотьма“ был соляной промысел, принадлежавший в XVIII в. Троице-Сергиевскому монастырю *). Соловецкий же монастырь владел солеварнями в Неноксе и др. многих местах. Кстати я должен упомянуть об остатках солеваренных заводов в окресностях с. Ледeнгского: на р. Куноже под д. Юркино и на р. Вотча—близь д. Семянжево, где можете видеть ясно сохранившиеся рассолопод‘емные трубы, около их срубы и большие ямы—следы варниц.

6. Вероятное возникновение с. Леденгского. Возникновение с. Леденгского с его варницами может быть

*) Богословский «Земское Самоуправление в XVII ст. на Севере».

следует отнести ко времени колонизации Севера новгородцами. Но быть может, и чудь, жившая, конечно, в этих местах, начала еще раньше расчищать естественные соленые ключи. Об этом мы можем лишь предполагать, так как нет сколько-нибудь проверенных сведений. Важно, поэтому, для местного историка собрать *предания* здесь о чуди, о возможной эксплоатации ею рассола. Для этого следует использовать еще сохранившуюся у Вас *живую старину*, стариков и старух, сказочников и сказителей, калик перехожих, от которых, вероятно, Вы узнали бы не одну „побывальщину" о прошлых временах родного Вам села. Но, что в с. Леденгском уже были владетели варниц в XVII столетии—об этом можно найти более заслуживающие внимания источники. Тщательно и с большой добросовестностью старых людей состовлявшиеся *писцовые книги*, эти оффициальные акты правительственной статистики XVI и XVII в. в., сохраняют в себе обильный и интереснейший материал по местной истории. В частности о Леденгском первые записанные сведения находятся, именно, в *писцовой книге 1624 года*. Удалось найти в Тотьме при Варницкой церкви „Выпись из Собрания указов и документов Варницкой Воскресенской церкви" (лист 7-ой), в которой заключались выдержки из нее. Писцовые книги на местах теперь почти невозможно найти, так как они или вывезены и хранятся в столичных архивах, наприм., в Москве (б. Министерство Юстиции) или сгорели и бесследно пропали. Вот что здесь мы прочтем о далеких от нас временах села Леденгского.

7. Справка из писцовых книг о Леденгском 1624 и 1660 г. г. „Пустошь, что был погост Спасский на речке на Леденге, а на той пустоши церковь древяна клет-

ки*), ветха, была во имя Происхождения Честного Креста Господня: стоит без пения лет со сто и больше, а бывал у того погоста соляной промысел да слободка непашенная, а живали в ней соловары и солянова промыслу ярыжные**), а в той пустоши трубы есть без рассолу, пустеет более ста лет. Чья та труба была исстари, того посадские люди и волостные крестьяне сказали: не упомнят, а владелец тою пустошью Григорий Строганов и сын его Данило, и Данилов сын Козьма Строганов, а после де Козьмы владеет Ольга, Данилова жена. Строганова отдавает из найму сено косить, а того не ведает почему владеет***)". Словом, еще в XVII столетии на месте села Леденгского был погост и соляной промысел, здесь жили, как видно, и солевары, а над ними стояли „ярыжные", т. е. надзиратели. В 1624 г., т. е. около 300 лет тому назад трубы уже пустовали, хотя и продолжали быть во владении Строгановых. Можно предположить, что эти Строгановы, похороненные на Варницах под г. Тотьмой (они все значатся в синодике Варницкой Вознесенской церкви)—были родственниками Сольвычегодских Строгановых или какимнибудь захудалым отпрыском их, они мало интересовались Леденгским промыслом, как закинутым вдали от судоходной р. Сухоны, одной из главн. артерий Поморского края. Ведь по ней возили товары, и в Тотьме существовали пристань, склады, коммерческие конторы. Главное производство соли у Строгановых сосредоточивалось, повидимому, на Варницах под Тотьмой. Вспомним кстати, что в конце XVI ст. возникли торговые сношения России с Англией (прибытие кап. Ченслера в 1554 г.

*) Т. е. о четырех углах, кубическая.

**) Надзиратели.

***) Т. е. без документов.

под Архангельск), тогда же был открыт торговый путь на Сибирь. Недаром семнадцатый век для северных городов считается золотым веком (профессор Покровский).

Сохранился еще документ, содержащий сведения о Леденгском XVII в.—это *писцовая книга 1660 г.,* из которой ясно, что во второй половине XVII ст. с. Леденгское уже перешло из рук Строгановых к другому владельцу. Возможно, что захудалый к тому времени род тотемских Строгановых не мог уже держать соляной промысел здесь. И вот, по писцевой книге 1660 г. Леденгское принадлежит „гостю“ Василию Ивановичу Грудцину, который сам жил в В.-Устюге, владея землями не только в Тотемском уезде, но и в Устюгском и Сольвычегодском. „Гости“ в роде Грудцина—были, вероятно, местного происхождения—купцы, разбогатевшие на торговле и скупившие себе земли. Для Тотьмы того времени упоминаются еще гости: Булгаковы, Панкратьевы, Гусельниковы, Палицины, фамилии теперь почти исчезнувшие. Их деревни в писцовых книгах писались особо от волостных деревень. Эти гости, приписные к московской гостинной сотне, являлись видными членами купеческой корпорации в Москве и, наравне со служилыми людьми, владели на правах частной собственности землями и деревнями, сами жили обычно вдали от своих владений (в Москве и других крупных городах). Эти собственники нередко скупали и крестьянские земли, округляя свои владения, и обособленно оставаясь в уплате податей в казну. Между „гостями“ и земским миром бывали частые ссоры, тяжбы, неудовольствия, доходившие до жалоб царю (Богословский М.). Грудцин и был таким разбогатевшим местным человеком, скупившим, видимо, и имение Строга-

новых в Леденгском. Писцовая книга говорит, что у Грудцина „было четыре трубы, соленые с рассолом, да девять варниц, которые топятся с црены*), усадебного места по обе стороны р. Леденги пять десятин“.— „У тех варниц 36 изб, а в них живут работные люди, которые приходя в варницы работают, соль варят из найму, и рассол льют и дрова секут, и всякую работу работают, всего 152 человека в том числе трубный мастер“ (Богословский). В имении гостя В. И. Грудцина были построены последним церковь, возле нее двор „для приезду его Василия“ (в отсутствии владельца занимался приказными людьми), имелся скотный двор, мельницы, сенные покосы, лес и небольшая запашка, снимаемая половниками“**). Владения Грудцина были обособлены, как гостя в платеже податей от Тотемского посада и от волостных черносошных крестьян. Вот и все документальные сведения о далеких от нас временах жизни села Леденгского. В XVIII веке нам неизвестно за отсутствием источников, в каком положении находилось село, но тем не менее для местного историка этот период времени должен иметь громадное значение, так как тогда начинало складываться население Леденгского, дошедшее до наших дней в том разнообразии фамилий, которые мы знаем сейчас. Обычно наше северное селение бывает населено потомками одного или самое большое трех родоначальников. Благодаря этому и фамилии обитателей северной деревни одни и те же. Например, в д. Проскурнине вы найдете всех Вареоломеевых, в Кулибарове—почти все Мака-

*) Црен—четырехугольная сковорода 4 кв. с., на которой вываривается рассол над печью.

**) Форма аренды на Севере „исполу“, т. е. половина урожая арендатору, другая владельцу.

ровы, в Минькове преобладают Потылицины, в Митине—Поповы и т. п. Не то—в Леденгске. Здесь мы найдем потомков северян (Холмогоровы, Мезеневы, Мальцевы), литовцев (Литвиновы), татар (Шананины, Юнины), малороссов (Ивченко, Вернодубенко), евреев (Сысоевы), казаков (Бабушкины), ссыльных неизвестного происхождения (Шубины), и т. д. И лишь зная, что происходило вообще по России на заводах и фабриках в течение XVIII ст., мы попытаемся несколько восстановить картину жизни с. Леденгского и за этот период—таким *косвенным* путем.

Еще Петр Великий в начале XVIII ст., имея в виду пополнение государственной казны, опустевшей после его военных преобразований, предпринял шаги к поднятию производительности народного труда. В частности Петр решил развить фабричную промышленность, которая у нас едва только влачила свое существование за отсутствием рабочих рук и плохого состояния фабрик. Петр разрешил в первую очередь приписывать мастеровых крестьян к заводам и фабрикам. Некоторые заводчики и до Петра еще имели целые волости с крестьянами, за которых они платили подати и обязывались доставлять государству известное количество фабрикатов. Возможно, что и гость Грудцин или его приемники впоследствии были такими же заводчиками, производителями соли на правительство. Известно, например, что за олонецкими заводами в 1700—1703 г.г. было приписано 599 дворовых крестьян и кроме того 834 дворов монастырских. В 1725 году уже за ними числилось 48.000 душ мужского полу. Преемники Петра продолжали приписывать к частным заводам крестьянские села и деревни. На казенных заводах арендаторы получали и „казенных мастеровых в собственное

содержание". При Петре I еще, нередко за отсутствием умелых рабочих крестьян, на заводы приходилось принимать случайный элемент: „татей, мошенников и пропоиц". Сюда же шли разночинцы без определенных занятий, посылались на исправление публичные женщины, солдатские жены, беглые, нищие, преступники. Заводы и фабрики, словом, служили *местом ссылки*, куда назначалась и воинская команда на случай усмирения и наказания преступного населения. В царствование Анны Иоановны (1736 г.) мастеровые заводов были объявлены крепостными заводчиков, фабрикантов и арендаторов. Петр III (1862 г) под напором земледельческого (дворянского) сословия пытался отменить покупку крестьян в собственность заводам и фабрикам, но торгово-промышленный класс не позволил провести полностью этого закона (т. е. отменить „закрепощение крестьян с землей и без земли к заводам и фабрикам"). Только, как известно из общей истории, Александр I окончательно прекратил это закрепощение.

8. Поссессионные крестьяне. Однако, в течение всего XVIII ст. мастеровые, приписанные к заводам и фабрикам, как государственные, так и купленные заводчиками (беглые, отданные на фабрики)—по существу были на положении крепостных крестьян. Они при Александре I получили только название *„поссессионных крестьян"* т. е. таких, которые были приписаны к фабрикам и заводам, получавших правительственную поддержку (землей, лесом, людьми, деньгами). Владельцами поссессионных заводов могли быть купцы, дворяне и помещики. От правительства же при заводах были особые управления: мануфактур-коллегия, берг-коллегия (последняя при горных заводах, как Леденгский), находившиеся в распоряжении центральной коммерц-колле-

гии. Нужно думать, подобным образом обстояло дело и на Леденгском заводе с его „поссессионными крестьянами“. Для характеристики жизни поссессионных крестьян не безъинтересно остановиться на некоторых деталях, подтверждаемых местными старожилами. Существовал особый *регламент*, по которому управлялись заводы и фабрики при приемниках Петра В. По регламенту, например, требовалось завести на фабрике (заводе) медный колокол для призыва рабочих на работу; предусматривались особые казармы для надзирателей, мастеровых и работных людей „на их кошне“, для больных же—„гошпиталь“. По „рабочим регулам“—рабочий день равнялся 14 часов с марта по октябрь (с 4 утра до 9 час. вечера, перерыв на обед 10—12 ч. дня). Зимой на 1 час меньше (с 5 ч.—до 8 ч. вечера), на обед зато полагался 1 час. По субботам рабочие заканчивали работу в полдень. В общем за неделю набиралось 77 рабочих часов. За прогульные дни, как и за пьянство устанавливался штраф. За „непослушание“ начальникам и за грубые слова рабочие подвергались в первый раз наказанию плетьми, во второй—батожьем с вычетом трехмесячного жалования, в третий—ссылкой на один год в каторжную работу (статья 8). Ст. 6 требовала „мастеровым и рабочим людям отнюдь не допущать, чтобы жены их и дочери, как работать в состоянии будут, дома праздные пребывали или гуляли“ (1741 г.). Эти „регулы“, конечно, понимались начальниками по своему и последние допускали много злоупотреблений. Например, считали „непослушанием“—лишний удар кнутом по лошади дрововоза, простое нерасположение к рабочему было поводом к наказанию. Нередко поднимались волнения рабочих, устраивались побеги, писались жалобы, словом повторялись все признаки крепостнического хозяйства.

9. Казенный солеваренный завод в Леденгске. И лишь в 1769 г., когда Екатерина II национализировала в казну фабрики и заводы—волнения сократились. Установлено, что при Екатерине II—Леденгский солеваренный завод считается казенным и находится в заведывании *„Онежского соленого правления“*, которое и помещалось именно в Леденгском (помещение „Народного дома“, перенесенное с б. реки Леденьги). „Управитель“ и его „советники“ жили в отдельных „господских домах“. Один из них также уцелел (дом, в котором живет лесничий). Если Вы побеседуете со стариками, леденгскими аборигенами, загляните в летопись местной церкви, то подверждений сказанного о „поссессионных крестьянах“ можно найти не мало. Павел Павлович Юнин (72 г.), Маремьяна Андреевна Харламова (93 г.) и др. раскажут Вам о „былом“, хотя их личные воспоминания и относятся к первой половине XIX в. Из их уст Вы узнаете, что „до воли“ (1861 г.) завод числился за казной. Было 20 варниц, из которых 2 белые и 18 черных (теперь 1 черная), вываривалось 155—150 пудов соли с каждой зараз. Всего в год вываривалось 360.000 пуд. (теперь значительно меньше). Существовал и „медный колдкол“ перед Управлением. Узнаете, что солдаты (воинская команда) жили в „заречьи“, как и рабочие. „Господа“ же, т. е. управители, в селе. В „Кошелеве“ *) было лишь 3 дома (теперь около 30). Из управителей „самым пылким“, т. е. строгим—был Евреинов, стегавший дрововозов за употребление кнута. Защитником рабочих был доктор Андреевский, умерший „от горячки“ в 1864 г.; он спасал, по рассказам П. П. Юнина, многих в своей боль-

---

*) Кошелево—селение, часть Леденгского, по левую сторону Леденьги, против церкви.

нице и был первым ходатаем жалобщиков—крестьян перед Управлением. Еще до сих пор сохранился обычай в Леденгске 1 июля во время крестного хода служить панихиду о „болярине Василии“ над могилой док. Андреевского (Петинское кладбище). От старушки Маремьяны Андреевны Харламовой узнаете о какой-то загадочной владелице завода „добродетельной девке Марине, сдавшей завод в казну“, под условием улучшить положение рабочих. Нет ли тут далекого отзвука на Ольгу Строганову, или это одна из владелиц завода после Грудцина? Вопрос—для местного историка. Узнаете о музыкантах, об оркестре из дворовых, о веселой жизни управителей; в воображении вашем при рассказах встанет много знакомых образов, которые перенесут Вас в дореформенное время с его „Дворянскими гнездами“, „Вишнивым садом“, в усадьбу „Старосветских помещиков“—живших безпечно и беззаботно. Тут много грусти о прошлом, но быть может еще больше негодования перед издевательством управителей. Нужно прибавить, что рабочее население Леденгского казенного завода хлебопашеством не занималось, а пользовалось готовым хлебом из хлебозапасного магазина, сохранившегося и поныне с 1840 г. у моста через Леденьгу. Обратите внимание на этот пустующий теперь сарай с дорическими колоннами Николаевских времен. У обывателей села Леденгского и сейчас встречается поговорка: „мы прежде не сеяли, а пшеница росла“. Но вот „порвалась цепь великая и ударила одним концом по барину, другим по мужику“, издан был манифест 19 февраля 1861 г. об освобождении помещичьих крестьян. Почти что кряду—8 марта 1861 г. было издано положение о горнозаводском населении, по которому нижние чины и мастеровые объявлялись сво-

бодными и наделялись землей по 7 десятин на душу (государственные по 15 дес.). В год освобождения в Леденгске числилось ревизких душ 499 (теперь около 2000). В 1862 году была образована Леденгская волость, благодаря особому составу населения (раньше Леденгское причислялось к Вотчинской волости). Вскоре после реформы завод был передан за упразднением здесь Онежского соляного Управления—в ведение Министерства Финансов (по департаменту неокладных сборов), а с 1881 г.—Министерству Государственных Имуществ (по Горному департаменту).

10. Аренда завода. В год передачи завода в ведение Министерства Финансов его берет в аренду ростовский купец I гильдии Иван Андреевич Первушин с оброчной платой $^1/_2$ копейки с пуда вываренной соли и с обязательством ежегодной выработки соли не менее 100.000 пудов (Волог. Губерн. ведомости 1904 г. № 40). Первушин аренду взял на 23 года (до 1889 г.), сломал 8 варниц и пользовался лишь 12-ью. Уничтожена тогда же была и *градирня* *), стоявшая на правом берегу Леденгского против входа в церковь. Позднее в руках наследников Первушина производство соли стало падать и, наконец, с переходом аренды к местным крестьянам пало еще более (недобросовенность управляющих).

Накопилось много долгов и варницы за ветхостью пришли в негодность. Только годы войны (с 1914), поднявшие опять потребность на соль, поправили дело; но едва ли леденгская соль, получаемая из рассола в

*) Стеной положенный хворост, по которому стекал рассол и делался крепче от испарения лишней воды. Полученный рассол с градирни и шел для выварки в варницы.

5%, может выдержать конкуренцию с „Пермянкой“. Черные варницы, из которых 2 отремонтированы и работают поныне, сохранили в себе все давнее производство соли, каким оно было в XVI—XII столетиях. Это примитивное солеварение, практикуемое в Тотемском уезде, распространилось отсюда и далее, за пределы Вологодской губернии, но, повидимому, там, где рассолы крепче, заменяется новым способом „белыми варницами“ *). Здесь будто из экономии рабочих рук, желая сохранить дольше без ремонта старые чрены (в печи глубокая яма для дров) и при условии слабости рассола, сохраняется старое, традиционное солеварение в черных варницах. Этот пережиток глубокой старины стоит перед нами в том же величии и примитивности, как 500—600 лет тому назад, раскрывая перед нами панораму отдаленного прошлого села Леденгского. Но, думается мне, будущее с. Леденгского, если жизнь наладится, не в солеварении, а в рассололечении, которому положено начало еще в 90-х годах горным департаментом. Позднее земство арендовало Мариинскую трубу (глубина 108 саж.), устроило в 1904 г. „лечебный курорт“ (ремонт 1911 г.). Для солеварения рассол здесь слаб**), но для целей лечения он достаточно крепок, превышает в 4—5 раз остальные соленые ключи (Старая Русса, Славянск, Друсеник) и содержит иодистые

---

*) Белая варница отличается от черной (как белая баня от черной) тем, что в ней имеется печь с вложенным в нее чреном. Из печи ведет особый дымоход в трубу; дымопары, поднимающиеся из чрена, также отводятся через прикрытие на волю, а не расходятся по варнице, как в черной.

**) Пермские рассолы достигают 25% крепости, т. е. в 5 раз сильнее.

соединения, что очень важно. Вот состав его, по данным 1911 г. (на 1000 граммов рассола):

хлористого натрия	41,03737
бромистого натрия	0,02240
иодистого натрия	0,00259
сернокислого натрия	1,25840
сернокислого кальция	3,44016
сернокислого магния	4,59309
глинозема	0,02309
окись железа	следы.
углекислоты	0.02428
Твердого осадка	49,26882
Удельный вес при 15° С	1,0383
Температура рассола	6° С.

Дальнейшее познание родных богатств, начатое при Академии Наук комиссией по изучению производительных сил России, надеюсь, популяризирует этот закинутый на лесном Севере курорт с его идиллической, спокойной жизнью. Уединение же его среди лесов и отличие от шумных заграничных или кавказских курортов окажутся вполне благоприятными условиями для лечения.

11. Памятники старины в Леденгске и их значение для местной истории. Мне остается в заключение указать на те памятники старины, которые не упомянуты выше. Кроме варниц, старинных домов дореформенной эпохи, я укажу на *Спасскую церковь*. Низ ее строен при Екатерине II—в 1794 т. и сохраняет несколько икон старинного письма XVII в.: Воскресения Христова 1693 г., Св. мученика Климента—папы Римского—1693 г., Николая Чудотворца—1691 г., Происхождения Древ Креста Господня—1679 г., Смоленской

Божией Матери—1719 г. Второй этаж надстроен позднее и освящен в 1824 г. (при Александре I). Внутренность его поражает классическими формами (ампир), особенно придел Иверской Божией Матери 1835 года (иконостас и иконы западного письма). Как видно, из сопоставления с историей Леденгского—управители казенного завода проявляли, видимо, заботливость о благолепии храмов. Есть указания, что среди них были католики (Чайковский, Саваш, жена „пылкого“ Евреинова, уроженная Ландраш). Они, нужно думать, усердно насаждали на далеком Севере классическую архитектуру запада. Впрочем, это делалось и по указаниям из центра (вологодские губернаторы—Брусилов, Мельгунов—также усердно заботились о том же в управляемой ими губернии).

Памятники церковного строительства также говорят о былой лучшей жизни Леденгского.

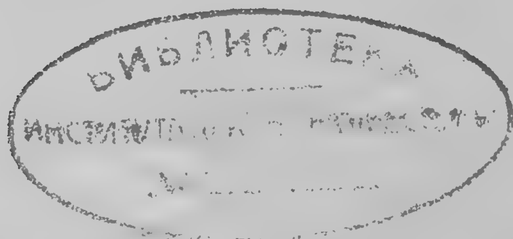
Я указывал уже на отрывочивость своей лекции и в заключение еще бы раз хотел напомнить о необходимости собрать исторические сведения о с. Леденгском местными культурными силами. Пусть молодые, местные работники восстановят историю с. Леденгского подробнее, пусть используют „живую старину“—пока она не унесла в могилу свои без того поблекшие воспоминания и образы; пусть устроится местный музей старины, куда будут собираться фотографии разрушающихся от времени памятников, остатки древнего солеварения (чрены, машины). Пройдут года и суровая рука времени беспощадно снесет с лица земли, как пыль с дороги, последних мертвых и живых свидетелей прошлого, и мы с грустью можем остаться с разрозненными, не восстановленными главами, отделами и страницами в книге по истории Леденгского. Перестанем же быть „ленивыми

и нелюбопытными", не будем повторять „щедринской истории мидян", а с верой в свои силы, в конечную цель родиноведческого дела примемся дружными усилиями восстановлять историю родного села и округи. Будем записывать со слов не ушедших еще в потусторонний мир свидетелей прошлого бывальщины, предания, сказки, воспоминания, пословицы, загадки, песни старины и прочее; будем собирать в музей при Народном Доме—все, что характеризует природу, быт и историю Леденгского; будем, наконец, фотографировать памятники старины и просто собирать литературу о родном селе. Будущие поколения за это вам скажут „спасибо".

В частности для этнографа богатый материал заключается в обычаях, рассказах о местных разбойниках (Рыжий, Иванько, Вася Красный), в святочных играх „Изота" (вероятно, чудское название). Для историка— следует обратить особое внимание на пробел XVII ст. возникновение с. Леденгского, фамилии управителей и их влияние на население, на быт поссессионных рабочих в дореформенное время и т. д.

Примечание. Кроме сказанного, попутно о современном положении Леденгского стоит прибавить, что село это имеет теперь уже 2000 жителей и находится в 35-ти верстах на юг от г. Тотьмы, куда ведет шоссейная дорога (ходил ранее автомобиль). Популярность Леденгского курорта известна за пределами Вологодской губ. Приезжают не мало иногубернских, не говоря о Вологодских, больных лечиться от ревматизма, туберкулеза суставов и костей, рахитики, нервные больные. При опытном враче применяется при водолечебнице электризация, воздушные и соленые (отдельные) ванны.

Продовольствием, к сожалению, Леденгск беден.

12. Литература о с. Леденгском. Литература о селе Леденгском крайне бедна: лишь некоторые сведения о селе и особенно о старинном солеваренном заводе в Леденгске читатель может найти в следующих статьях и книгах:

1. Описание Леденгского солеваренного завода. Вол. Губ. Вед. 1840 г. №№ 9, 10, 11, 12, 13.

2. Нечто о Леденгских целебно-минеральных водах. Вол. Губ. Вед. 1853 г. №№ 30 и 31.

3. *Барбот де Марни Н.* Геогностическое путешествие в северные губернии Евр. России (гл. 2, течение р. Сухоны). Записки С.П.Б. Минералогическ. Об-ва, ч. III 1868 г. С.П.Б. (описаны буровые скважины в с. Леденгском при управителе И. И. Евреинове).

4. *Н. С.* Леденгский солеваренный завод и его целебные источники. Вол. Губ. Вед. 1878 г. № 47.

5. *Потанин. Г. Н.* Этнографические заметки по пути от г. Никольска до г. Тотьмы в 1872 г., жур. „Живая Старина".

6. *Степановский И. К.* Вологодская старина. Историко-археологический сборник. В 1890 г. (Исторические сведения о Леденгской церкви и некоторых иконах в ней).

7. Журнал очередного и чрезвычайного Тотемского уездного земского собрания созыва 1906 г. и доклад Управы о *Леденгском солеваренном заводе*. В. 1907 г.

8. *Богословский М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII ст. Изд. Об-ва Истории и древностей Росссийских при Моск. Унив. М. 1909 г. (Авторитетное исследование по истории самоуправления Поморского Севера, использованы писцовые книги по Тотемскому уезду).

9. Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. III. Тотемский уезд. Изд. Вол. Губ. Зем. Управы. В. 1909 г. (описание Леденгской волости и выдержка из Барбот-де Марни).

10. Леденгский курорт. Брошюра и плакат в издании Тотемского уездного земства. Т. 1912 г.

11. *А. А.* Леденгский курорт. Газ. „Вологодский Листок“ 1914 г. № 709.

12. *Едемский М. Б.* Семнадцать сказок Тотемского уезда. „Живая старина“ 1915 г. С.П.Б.

13. *И-ий Н.* Село Леденгское, Тотемского уезда, Волог. губ. (Историко-статистический очерк), газ. „Вологодский Листок“ 1916 г. В.

14. *Ильинский Н. В.* Село Леденгское, Тотемского уезда, Волог., жур. „Русский Экскурсант“ 1916 г. № 7. Яр. (с 3 рисунками).

15. *П. И. А.* Леденгский солеваренный завод Тотемского Союза Потребительных Об-в, жур. „Северный Хозяин“. 1919 г. № 19 В.

16. *Степановский И. К.* Соляное дело в Вологодской губ. Работы Эконом. Отд. „Северосоюза“, вып. 1. 1919 г. В.

17. *Ильинский Н. В.* Тотемский край в прошлом и настоящем. „Материалы по изучению и использованию произв. сил Северного края“, вып. I. В. 1920 г., а также отдельный оттиск. Изд. Науч.-тех. Ком. при В.Г.С.Н.Х.

Н. В. Ильинский.

СОДЕРЖАНИЕ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

От Вологды до Устькулома. (Путевые заметки), совместно с И. И. Шеляпиным. В. 1911 г.

Фосфориты в Вологодской губернии и их значение в северном хозяйстве. Арх. 1912 г.

Луга в долине Сухоны от ее истоков до гор. Тотьмы (их происхождение, настоящее состояние и желател. будущее). Арх. 1912 г.

Естественно-исторический очерк Вологодского края с эволюционной точки зрения. В. 1912 г.—разошлось.

Растительность по р. Сысоле (фотогеографический очерк берегов Сысолы). В. 1914 г.

Вологодская тимофеевка в ее прошлом и настоящем (к истории вологод. травосеяния) с рис. В. 1915 г.

Луга юго-западной части Вол. губ. в с.-х. отношении. Ч. I. Долинные луга. С рис. В. 1915 г.

Отражение войны в Вологодских частушках. I и II ч.. В. 1916 г.

Село Леденгское, Тотемск. уезда, Вологод. губ. (краткий истор.-статист. очерк). В. 1916 г.

Указания к ест.-ист. изучению родного края. В. 1916 г.

Луга в долине р. Кубины (Кадников. уезд). В. 1916 г.. С рис.

В. П. Амалицкий и его раскопки в Вологодской губ. В. 1918 г.—разошлось.

В. Т. Попов и его Тотемская библиотека. С рис. Вол. 1917 г.

Естественно-исторический очерк Никольского уезда (Волог. губ.) В. 1919 г.

Главнейшие лекарственные растения Вологодской губернии (с выяснением их значения). В. 1919 г.

Вологодский Север. (Очерки производит. сил края). В. 1919 г.

Тотемский край в прошлом и настоящем. В. 1919 г.

Исследование лугов в Вологодской губернии (в прошлом и настоящем). В. 1920 г.

Каргопольский уезд и его естественные богатства. В. 1920 г.